

сывала: «Не дозволяется входить с представлениями о награждении за выдающиеся отличия: 1) с допущением одновременно более одного из указанных в предшедшей (109) статье изъятий, и 2) одного и того же лица два раза сряду».

Однако и здесь для Петра Аркадьевича Столыпина было сделано исключение. По отношению к нему было допущено несколько предусмотренных законом «изъятий». Кроме того, представляли его с такими «изъятиями» не «два раза сряду», а гораздо чаще. Чтобы не утомлять читателя перечислением всех орденов премьер-министра и дат их пожалования, отмечу только первый и последний из полученных им орденов. 30 августа 1893 года коллежский асессор Столыпин был удостоен ордена Св. Анны 3-й степени, а 10 апреля 1911 года председатель Совета министров, гофмейстер двора и статс-секретарь Его Императорского Величества был пожалован орденом Св. Александра Невского при высочайшем рескрипте. При этом Пётр Аркадьевич «перескочил» через пять орденов: Св. Станислава всех трёх степеней и Св. Владимира 4-й и 2-й степеней. Для представления к ордену Белого Орла требовалось соблюсти пятилетний срок с момента получения предшествующего ему в наградной иерархии ордена Св. Владимира 2-й степени. Столыпин не только «перескочил» через этот последний орден, но и ухитрился быть пожалованным орденом Белого Орла всего-навсего через два года и четыре месяца после награждения Аннинской лентой. По очень точному замечанию историка Дениса Шилова, у Столыпина период между получением Аннинской и Александровской ленты составил всего 4,5 года, тогда как у любого другого сановника из ближайшего окружения премьер-министра — от 8 до 14 и более лет.

Вечером 1 сентября 1911 года Пётр Аркадьевич Столыпин прибыл на парадное представление оперы «Сказка о царе Салтане» в Киевском городском театре, где присутствовал и царь Николай II. Председатель Совета министров был во всех регалиях. На левой стороне груди была прикреплена серебряная звезда ордена Св. Александра Невского, на шее на узкой синей ленте висел орден Белого Орла, а несколько ниже — шейный крест Св. Владимира 3-й степени. Во втором антракте к Столыпину внезапно подошёл неизвестный в чёрном фраке и дважды выстрелил в

Мученик-герой России во второй день кончины, последовавшей в 10 часов 12 минут вечера 5 сентября 1911 г.

упор. Одна пуля попала в орден Св. Владимира, другая прострелила премьер-министру руку. В первый момент показалось, что Владимирский крест спас Столыпину жизнь. В этом увидели знак свыше: именно в Киеве князь Владимир крестил Русь. Однако через несколько дней врачи обнаружили у Столыпина признаки брюшного воспаления: печень была поражена не пулей, а осколками ордена Св. Владимира. 5 сентября Столыпин скончался.

9 сентября 1911 года тело Столыпина было погребено на территории Киево-Печерской лавры. Августейшая чета на траурной церемонии не присутствовала.

Литература

Свод законов Российской империи. Учреждение орденов и других знаков отличия. Издание кодификационного отдела при Государственном совете. СПб. 1892.

Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб. 1999.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917.

Биобиблиографический справочник. СПб. 2002.

шем его статную, дышавшую энергией и подвижностью фигуру.

Наружность П. А., наверно, памятна многим по многочисленным его портретам. Сниматься он не любил, как и вообще избегал всяких выставок и рисовок. К похвалам, прославлениям он относился всегда очень сдержанно, как бы ощущая неловкость. Всё, что делал он, казалось ему лишь скромным выполнением своего жизненного долга. И это отпечатлевалось на его лице. Умные, выразительные глаза в глубоких орбитах смело смотрели на людей, живо отражая волновавшие или занимавшие его настроения и чувства. Крупная характерная голова, с выдавшимся вперёд лбом; небольшая, подстриженная, ещё тёмная бородка довольно густо обрамляла его лицо и хорошо очерченные губы. Беседовал он всегда оживлённо, с

большим вниманием выслушивая и охотно выражая свои мысли. Его приёмная была обыкновенно заполнена самыми разнообразными типами. Казалось, чрез них он познавал Россию и её действительную жизнь. Говорил он вначале отрывисто, особенно во время реплик, пока разговор не увлекал его; когда же разговор переходил на интересовавшую его тему, речь П. А. делалась живой, увлекательной. Особенно на трибуне, там воодушевление и подъём сразу приходили к нему, и речь его свободно и плавно лилась в могучих аккордах его редкого по выразительности и звучности голоса. В ней сказывался весь его характер, все стороны его духовного образа. Он умел сразу овладеть аудиторией и приковать к себе её внимание. Речи его, наверно, у многих из вас в памяти. Простота изложения, ясность, глубокое

знание предмета — были их характерными чертами, как бы далёк сам по себе и специален предмет ни был. Всё, доступное его вниманию и силам, он прилагал, чтобы изучить и овладеть темой своей речи. Нередко его горячее слово захватывало весь парламент глубиной чувства, искренностью настроения. Часто даже враги его восхищались увлекательной правдивостью его слов, благородством его образа, неотразимой силой его ораторского таланта. Если ораторы, как поэты, рождаются, то это был именно «рождённый» оратор, а не созданный только временем и трудом».

Шубинский Н. П. Памяти П. А. Столыпина: Речь, произнес. 5 сент. 1913 г. в ЦК Союза, 17 окт. в Москве: Репр. воспр. изд. 1913 г. М. 1990. С.11–12.